

Herr“, sagte er förmlich, ”wir führen nur Qualität. Sie müssen schon selbst wissen, welche Sorte Sie wollen: Linden-, Klee-, Tannen-, Heide- oder Obstblütenhonig.“ Ich entgegnete kühl, es sei mir ganz egal, woraus er seinen Honig mache, ich wolle weder seinen Blütenhonig noch irgendwelchen Imkerhonig, sondern ich solle echten Bienenhonig mitbringen.

Der Geschäftsinhaber machte ein Gesicht, als wolle er mich loswerden. ”Dann nehme ich eben Kunsthonig“, sagte ich entschieden und ersparte dem Mann nicht den Zusatz: ”Da weiß man wenigstens, was man hat.“ Nur leider hatte er nicht einmal Kunsthonig.

Nun fiel mir der Wunsch meiner Frau nach einer Fertigsuppe ein. Man empfahl mir eine Hühnersuppe oder eine Jägersuppe. Der Chef lächelte beflissen: ”Bei der Hühner-suppe, da schmecken Sie wirklich Huhn.“ – ”Und was schmeckt man“, fragte ich, einmal mißtrauisch geworden, ”bitteschön bei der Jägersuppe?“ Mir wurde nun erklärt, die solle gar nicht nach Jägern schmecken, sondern sei im Jägerstil, wie Jäger es gern haben, zubereitet. Ich wurde aber den Verdacht nicht los, daß die Hühnersuppe am Ende nur im Hühnerstil, wie Hühner es gern haben, zubereitet sein könnte. Ich ging verwirrt davon.

Meine Frau aber schien richtig erleichtert, als sie mich mit leeren Händen kommen sah. ”Dann kann ich dir ja auch gestehen“, sagte sie, ”daß ich mit der deutschen Sprache auch Schwierigkeiten habe, wenn ich einkaufen soll, was ich nicht genau kenne. Du hattest doch gesagt, ich sollte Holzbohrer mitbringen.“

Ich entsann mich, daß ich für Holzarbeiten spezielle Bohrer brauchte. Meine Frau seufzte und fuhr fort: ”Im Bastelgeschäft fand ich keine Holzbohrer, in der ganzen Stadt nicht. Die waren alle aus Metall oder sogar aus Hartmetall. Es gab zwar auch Steinbohrer, die wirkten aber auch metallisch. Aus Holz jedenfalls gibt es die, glaube ich, gar nicht.“

А.В. Пузырёв

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТ И ДИСКУРС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ульяновский государственный университет

В настоящем докладе хотелось бы обратить внимание на методологические аспекты использования понятий *языковая личность*, *текст* и *дискурс*. В качестве методологической основы используется общелингвистический по своему характеру метод целостно-системного подхода к языковым явлениям, предложенный нами в монографии ”Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления” (1995).

Позволим себе обозначить логическую связь вынесенных в название доклада понятий, но перед этим полагаем полезным вкратце напомнить суть целостно-системного подхода к языковой и неязыковой реальности (более подробно см.: А.В.Пузырёв 1995, 2002 и др.).

Смысл используемой методологии заключается в том, что в исследуемом предмете выделяются четыре одновременно сосуществующих: 1) исходный предмет; 2) развитой предмет в собственном смысле слова; 3) то, во что он превращается; 4) будущий предмет. В логическом аспекте этим четырём предметам соответствуют категории *всеобщего, общего, особенного и единичного*; в онтологическом плане – четыре ступени сущности: *бытие, сущность, явление и действительность*. В соответствии с этими же четырьмя планами в лингвистике нами было предложено различать уровни *мышления, языка, речи и коммуникации*. Логика рассуждений позволяет выделить и пятую (третью по общему счёту) ипостась языка – психофизиологические процессы, сопровождающие речевые, *психофизиологию* (в логическом аспекте ей соответствует категория *конкретно-абстрактного*, в онтологическом – *необходимости*).

На каждой из четырёх ступеней сущности выделяется пять целевых подсистем – пять обязательных аспектов. В логическом плане этим аспектам соответствуют категории *всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и единичного*; в онтологическом – *бытия, сущности, необходимости, явления и действительности*. Выделение пяти целевых подсистем анализа для лингвистов обозначает разграничение (и достаточно жёсткую последовательность на каждой ступени сущности) – внутри системного исследования – следующих пяти аспектов:

1) *онто- и филогенетический* (связанный с проблемами становления мышления, языка, речи и коммуникации у детей, с формированием мышления, языка, речи и коммуникации в данном этносе; с этим аспектом, вероятней всего, соотносятся такие лингвистические дисциплины, как онтолингвистика, диалектология, история языка и т.д.; очевидно, что онтогенетический аспект на сегодня проигнорирован в системе подготовки будущих филологов);

2) *логический* (связанный с проблемами создания логически непротиворечивой сетки терминов, которые затем могли бы “выдерживать” использование в других целевых подсистемах исследования. Здесь возникает вопрос о денотативной состоятельности терминологии, поскольку очевидно, что проверку “единичным” или действительностью выдержит далеко не каждая терминосистема – именно с логическим аспектом прежде всего соотносятся, вероятно, контра-

стивная лингвистика, структурная лингвистика и, к сожалению, только им чаще всего и ограничивается базовый курс филологов “Современный русский язык”);

3) *динамический* (закон развития данного языкового явления или языка в точке синхронии; именно с этим аспектом связываются основные устремления психологии творчества, психолингвистики, лингвостатистики, текстологии и т.п.; психолингвистика и лингвостатистика, предполагаем, тоже не самые популярные дисциплины на филологических факультетах);

4) *функциональный* (соотносительный с изучением функциональных форм и функциональных связей языка и языковых явлений, вероятней всего – именно с этим аспектом прежде всего связаны стилистика, прагматика, риторика, социолингвистика);

5) *идиостилевой* (связанный с проблемами языковой личности – именно личности, т.е. человека думающего, обладающего языком, говорящего или пишущего, общающегося с другим человеком. Здесь важно уметь видеть уникально-неповторимые качества *данного* человека на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации – без такого умения видеть отличие этого человека *от других* идиостилевой аспект может быть только продекларирован).

Как же связаны между собой понятия “языковая личность”, “текст” и “дискурс” в плане целостно-системного подхода к языку и языковым явлениям?

В понимании языковой личности мы следуем – в определении видовых характеристик этого понятия – за Ю.Н.Карауловым. Отличие нашей позиции заключается в понимании родовой отнесенности данного понятия. Языковая личность, в нашем понимании, – это человек, способный создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся “а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью” (Ю.Н.Караулов 1989: 3). Уместно сослаться на И.А.Бодуэна де Куртене: “Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является не язык в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления” (И.А. Бодуэн де Куртене 1963 т.2: 182). Требование используемой методологии различать в предмете изучения минимум четыре степени сущности заставляет нас видеть в языковой личности личность: 1) мыслящую, 2) владеющую языком, 3) порождающую и воспринимающую реальные тексты, 4) вступающую в различные коммуникативные потоки – т.е. личность мыслительную (точнее – мыслящую), собственно языковую, речевую, коммуникативную (точнее – коммуницирующую). Логика рассуждений позволяет выделить и пятую (третью по общему счёту) ипостась языковой личности –

личность, чьё использование языка протекает в форме психофизиологических процессов (психофизиологическую личность).

Уже было сказано, что аспект языковой личности в плане субстратного подхода к языку обнимает целевую подсистему “Единичное”. Любой закон (в том числе и Язык как один из Законов вселенной) обретает свою действительность через своего носителя (в данном случае – через языковую личность).

Так, например, общество по отношению к человеку, языковой личности выступает как момент *всеобщего* и, в качестве всеобщего основания, во многом предопределяет грани проявления данной языковой личности. На уровне мышления в качестве оснований для личности выступают господствующие в обществе типы и архетипы сознания, на уровне языка – степень развитости и особенности используемого языка, на уровне речи – характер наполнивших время и пространство текстов, на уровне коммуникации – соотношение коммуникативных и квазикоммуникативных, актуализаторских и манипулятивных (по Э.Шострому) типов общения, нацио- и социокультурные особенности коммуникации.

С другой стороны, от установок личности во многом зависит характер проявления указанных всеобщих оснований: языковая личность приходит в общество со своим языком, со своим Законом становления и развития, и пересечение индивидуальных языков в обществе создает удивительно красочное пересечение законов развития данного общества. “Не человек владеет языком, а Язык ведёт человека по жизни”, – говорил, кажется, М.Хайдеггер. Мы позволили себе продолжить эту мысль: “Не общество владеет и распоряжается языком, а Язык ведёт это общество по жизни” (см.: А.В.Пузырёв 1996: 22-23). Если говорить совсем точно, то человека (и общество) ведёт по жизни не язык, а характер мышления его носителя, а язык выступает лишь как средство обнаружения характера этого мышления. Модная сегодня криминальная и террористическая лексика в господствующих СМИ лучше всего говорит о характере мышления их владельцев и вдохновителей.

Текст – это единица языка. Если язык – это система знаков, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности, а также хранения информации и передачи её от поколения к поколению, то текст – это объединённая смысловой связью *последовательность знаковых единиц*, основными свойствами которой являются связность и цельность. Так же, как и язык, текст выступает в виде минимум 4-х своих ипостасей и фигурирует в виде единицы мышления, языка, речи и коммуникации.

Уместно напомнить важность различения элементов и единиц языка (более подробно см.: А.В.Пузырёв 2002: 51-65). Неразличение этих понятий заставило доктора филологических и психологических наук А.А.Леонтьева горестно заметить: “Вся без исключения современная лингвистика имеет дело с анализом по элементам” (А.А.Леонтьев 1997: 48).

Текст — это не элемент, но единица языка. Справедливости ради следует уточнить, что текст — отнюдь не минимальная языковая единица. В качестве минимальной языковой единицы, по нашему убеждению, выступает предложение (здесь мы вынуждены логикой рассуждений не согласиться с Л.С.Выготским, видевшим в качестве единицы языка слово и его лексическое значение). По логике наших рассуждений, к **элементам языка** следует относить фонему, морфему, лексему, к **языковым единицам** — предложение, сложное синтаксическое целое, текст.

Попутно заметим, что логика рассуждений делает возможным вычертить ряд понятий, соответствующих предложению — минимальной единице мышления, языка, психофизиологии, речи и коммуникации: **мысль** (психологический аспект, уровень мышления) — **предложение** (уровень языка) — **рефлекторный акт** (уровень психофизиологии) — **высказывание** (уровень речи) — **коммуникативный акт** (уровень коммуникации).

Как же соотносится с понятиями *языковая личность* и *текст* понятие *дискурс*? Ответу на этот вопрос предпослём толкование понятия “дискурс” в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” (1990), т.е. в одном из наиболее авторитетных для лингвистов источников.

“Дискурс (от франц. *discourse* — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Д. — это речь, “погружённая в жизнь”. Поэтому термин “Д.”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи к-рых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно” (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 136-137).

Известно, что первоначально термин *дискурс* во французской лингвистике обозначал речь вообще, текст. Введение этого понятия и противопоставление его объективному повествованию (*récit*) означало, по Э.Бенвенисту, “речь, присваиваемую говорящим”.

При сопоставлении целостно-системного представления языковых явлений (в том числе текстовых явлений) с понятием *дискурс*

становится очевидным, что те явления, которые в субстратной методологии осмысливаются лингвистом в рамках строго очерченной схемы, в которой не могут быть потеряны никакие существенные аспекты языкового явления, в понятии *дискурс* воспринимаются в неформализованном, синкретичном, нерасчленённом виде.

В каком-то смысле, если рассматривать этот вопрос в целостно-системном плане, понятие *дискурса* оказывается смешивающим понятия мышления, языка, речи и коммуникации, а также текста как языковой единицы, т.е. в научном плане оказывается для русского исследователя (точнее – исследователя, мыслящего в рамках русского языкового и метаязыкового мышления) весьма и весьма неудачным.

Этот термин – дискурс – является неудачным по многим основаниям.

Он неудачен потому, что в неявном виде исходит из установки, что язык может быть не “погружён в жизнь”. Если признать, что язык существует на уровнях мышления, собственно языка, речи и коммуникации, то станет понятным, что уровень коммуникации как раз и соотносится с жизнью языка. **Коммуникация** являет собой **действительность** языка, его **актуально наличное бытие**. Коммуникация для языка – это и есть его жизнь. Мы уже писали, что именно наличие/отсутствие этой ступени сущности языка проводит грань между живыми и мёртвыми языками, а понятие живых и мёртвых языков, напомним, входит в лингвистический инструментарий уже не одно столетие.

Термин *дискурс* неудачен потому, что неявно предполагает возможность существования языка отдельно от человека. Как тут ещё раз не напомнить о том, что “реальной величиной является не язык в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления”!

Термин *дискурс* неудачен потому, что делает русскую лингвистическую мысль размытой и неточной, т.е. отдаляет от идеалов научного познания. Вообще, механический перенос в русскую лингвистическую мысль иноземных моделей и понятий не укрепляет её, а служит её запутыванию и приучает к беспомощности, к непониманию собственного предмета исследования (и научных дам такого рода, к сожалению нормальных мужчин, более чем много). Это всё равно что пересадить восточноевропейской овчарке ноги таксы – собаке от этой операции вряд ли станет лучше и комфортней. В этом плане русский космопсихолог предоставляет русским исследователям и исследовательницам, учёным из Российской Федерации, намного больше возможностей в постижении истины, нежели опора на кос-

мопсихологос других этносов (о космопсихологосе см.: Г.Д.Гачев 1988; А.А.Гагаев и П.А.Гагаев 2005 и др.).

Сказанное вовсе не означает нашего отказа от понятия *дискурс*. Напротив, в тех случаях, когда в интересах исследования и экономии времени и места вполне допустимо обозначить предметную область размыто и неопределённо (и это не скажется на научной точности научных выводов или постижение истины не предполагается), понятие *дискурса* будет, полагаем, ценным и удобным (хотя таких случаев в нашей собственной исследовательской практике не встречалось, отсюда вовсе не следует, что их не может быть вообще).

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963.
2. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 308 с.
3. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Система философии: В 2-х т. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Сов. писатель, 1988. – 448 с.
5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.
9. Пузырёв А.В. Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку // Общество, язык и личность: Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 23-26 октября 1996 г.). М., 1996. С. 20-22.
10. Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 163 с.